

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НОСИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ КУЛЬТУР (Часть 1)

Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 сентября 2012 г.

Аннотация: в статье анализируются аргументы за и против интерпретации теории межкультурной коммуникации как самостоятельной концепции в системе гуманитарных наук. В форме кратких тезисов представляется авторская интерпретация членения проблемного поля обсуждаемой теории; приводятся аргументы в пользу предлагаемой последовательности рассмотрения общих и частных проблем этой теории. Обосновывается выбор конститутивной единицы межкультурной коммуникации, а также минимальной единицы анализа межкультурного взаимодействия. Раскрывается объяснительная сила предлагаемой интерпретации теории межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: личностная, коллективная, культурная идентичность, стереотипы сознания, культурные коды, барьеры в межкультурной коммуникации.

Abstract: the paper discusses fundamental theoretical and methodological issues of cross-cultural research as an interdisciplinary field and examines some key conceptual questions in the study of interpersonal communication between people from different cultures, such as cultural codes, cognitive stereotyping, natural barriers for cross-cultural communication, and the relationship between personal, collective and cultural identity.

Key words: personal identity, collective identity, cultural identity, cognitive stereotyping, cultural codes, barriers for cross-cultural communication.

1. Теория межкультурной коммуникации: ЗА и ПРОТИВ

Изучение межкультурной проблематики составляет достаточно новое поле междисциплинарных исследований в нашей стране, и подходы к анализу разнообразных аспектов феномена межкультурного общения в нем еще не устоялись, поскольку теоретические основания такого анализа все еще активно дискутируются, а предлагаемые интерпретации остаются во многом уязвимыми. Такое положение обусловлено несколькими обстоятельствами.

С одной стороны, рассмотрение проблем межкультурной коммуникации (МКК) ведется с позиций самых разных гуманитарных наук, таких как психология личности, социология, философия, теория коммуникации, культурная антропология, социальная психология, культурология, экономика, история, литературоведение, а также социопрагматическая лингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология и др. В связи с тем, что одни и те же явления в этих дисциплинах трактуются по-разному, неудивительно, что у исследователей, работающих в рамках своих наук, отсутствуют общие теоретические позиции и общая «прозрачная» терминология для описания различных аспектов межкультурного взаимодействия.

С другой стороны, в связи с крайней актуальностью проблем межкультурной коммуникации их активное обсуждение ведется не только в профессиональной, но и в непрофессиональной аудитории на бытовом или научно-популярном уровне, что неизбежно приводит к упрощению понятийного и терминологического аппарата анализа, выхолащиванию и обеднению его теоретической базы, снижению его объяснительной силы.

Результатом развития этих тенденций в последние годы стало широко распространенное нетерминологическое, а часто просто метафорическое, использование в дискурсе гуманитариев многих понятий и терминов теории межкультурной коммуникации (ТМКК), в том числе и словосочетаний «межкультурная коммуникация» и «диалог культур». Такое вольное употребление специальной лексики в дискуссиях о проблемах межкультурного взаимодействия, их причинах и путях их решения в профессиональной и непрофессиональной аудиториях привело не только к затемнению смыслов, но и к дискредитации самой проблематики ТМКК как предмета для научных размышлений. Это обстоятельство стало побудительным мотивом для того, чтобы на новом витке вернуться к проблемам, которые, казалось бы, уже были решены [1–6].

Складывающийся на сегодня список «претензий» к теории межкультурной коммуникации и к рассмат-

риваемым в ее рамках феноменам достаточно условно можно свести к нескольким положениям, которые повторяются на разных научных форумах как с трибуны, так и, в особенности, в кулуарах:

– теоретический фундамент ТМКК, если о таком может идти речь, слишком разнороден и потому эклектичен, что снижает объяснительную силу используемых в ней положений;

– социологические, психологические, философские, этнографические, лингвистические термины зачастую интерпретируются в ней вопреки их толкованию, принятому в соответствующих науках, что приводит к размыванию их понятийного содержания и к путанице при обсуждении обозначаемой ими проблематики;

– эмпирические данные, обсуждаемые в качестве иллюстрации и/или основы для теоретических обобщений, получены неясно, непрозрачно: критерии отбора не эксплицируются, отсутствует качественная и количественная характеристика эмпирии, не обговариваются этапы исследования и пр.;

– обобщения, получаемые при изучении одной культуры, весьма часто некритически экстраполируются на другие культуры или же интерпретируются как универсальные. Особенно часто это касается выводов, полученных при рассмотрении англоязычных культур, прежде всего американской и британской;

– в теории обобщаются банальные вещи, понятные и без научного исследования любому человеку даже на бытовом уровне;

– разрабатываемые на основе теории практикумы и тренинги по межкультурной коммуникации для широкой аудитории в целом не достигают своей цели: их участники испытывают при межкультурном взаимодействии те же трудности, что и коммуниканты, не прошедшие таких практикумов/тренингов, и преодолевают те же барьеры, что и все другие участники;

– до сих пор не ясно, каким образом определять степень успешности межкультурного взаимодействия: не выявлены ни критерии, ни параметры универсальности/культурной специфичности этого явления, не охарактеризована сама ситуация успеха в условиях межкультурного общения.

Список этих замечаний можно продолжить, однако попробуем взглянуть на указанные проблемы как на своего рода точки роста теории межкультурной коммуникации и предложить позитивную интерпретацию дискуссионных вопросов.

Прежде всего следует отметить, что теория межкультурной коммуникации – это область междисциплинарных исследований, теоретический фундамент которой складывается в опоре на закономерности, изучаемые разными гуманитарными науками: антропологией, культурологией, этнологией, экономикой,

историей, философией, семиотикой, психологией, социологией, лингвистикой, литературоведением, информатикой, когнитивными науками и др. Тесная связь ТМКК со всеми гуманитарными, а также с некоторыми естественными науками отнюдь не означает, что она как академический курс и концепция эклектична, напротив, ее междисциплинарность имеет естественный характер и вытекает из того, что в фокусе научного описания находится человек. Человек, как известно, обладает разнородными и разнозначными характеристиками, проявляющимися с разной степенью очевидности в тех или иных условиях: ведь человек, какой бы вид деятельности он ни осуществлял, представляет собой определенный психотип и конкретный социотип с присущими этим феноменам особенностями, выявляемыми при их сопоставлении с другими психотипами и социотипами. Все разнородные характеристики, которыми обладает каждый человек, складываются в единый сложно организованный комплекс, расчленив который можно только весьма условно и исключительно в целях специального анализа.

Тем самым очевидно, что междисциплинарность ТМКК, обусловленная необходимостью рассмотрения и адекватного анализа самых разных аспектов деятельности человека как культурного типа, является ее имманентным и закономерным свойством, поэтому и рассматривать данное качество этой теории следует, по нашему убеждению, как ее несомненное достоинство, благодаря которому объяснительная сила положений ТМКК распространяется не только на область ее собственного научного анализа, но и на объекты изучения смежных с ней дисциплин. Кроме того, опосредованно результаты, получаемые при описании межкультурной коммуникации, могут благотворно повлиять и на решение многих других проблем.

2. Структура проблемного поля теории межкультурной коммуникации

Из сказанного ясно, что проблемное поле ТМКК по определению должно быть чрезвычайно разнородным и комплекс вопросов, относящихся к компетенции ТМКК, можно интерпретировать по-разному и под разным углом зрения, о чем и свидетельствуют многочисленные научные статьи, монографии, учебники и программы тренингов по межкультурному общению, увидевшие свет в последние пять десятилетий. Анализ таких изданий и многочисленной специальной литературы по разным проблемам гуманитарного знания позволил сформироваться нашему видению обсуждаемой проблематики. Узловые моменты нашей версии ТМКК представлены в настоящей статье; ниже мы раскроем положения, на которых мы хотели бы остановиться особо в силу дискус-

сионности подходов к рассмотрению проблемного поля ТМКК.

Выбор ракурса изучения проблем, так или иначе связанных с межкультурным взаимодействием, а также последовательность их изложения вытекают из антропоцентричности подхода к анализу связанных с ней явлений. Эти обстоятельства обусловили отличия нашей версии теории межкультурной коммуникации от других, что прежде всего касается структурирования ее проблемного поля.

2.1. Культура и человек как культурный тип

Любые размышления о межкультурной коммуникации в качестве точки отсчета предполагают определение позиций в отношении понятия «культура». Количество определений культуры в разных дисциплинах, предметом рассмотрения которых являются различные ее аспекты, исчисляется сегодня четырехзначными цифрами. Поэтому мы не будем здесь подробно обсуждать типы дефиниций и основания для их формулирования, а также параметры, приписываемые культуре в разных трактовках. Достаточно будет отметить, что в большинстве этих определений в культуре традиционно выделяют две части – материальную и духовную.

С нашей точки зрения, это традиционное деление целесообразно дополнить еще одной частью – *интеракциональной*, поскольку вся культура в любом ее проявлении является не чем иным, как результатом разнообразной деятельности человека. Интеракциональная часть культуры охватывает *все* виды, типы, аспекты, роды деятельности человека в самых разнообразных условиях ее осуществления и для достижения разных целей. Результатом деятельности человека является та искусственная среда, которая возникает параллельно с естественной, природной, также преобразуемой человеком в ходе его деятельности. При этом следует отметить, что интеракциональная часть культуры – понятие более широкое, чем коммуникативное поведение, активно описываемое в ряде трудов, поскольку коммуникативное поведение, судя по выделяемым при этом параметрам, трактуется как деятельность, направленная на поддержание общения, т.е. только на *один* из многих культурно значимых видов деятельности людей.

Аргументами в пользу предложения выделить, наряду с материальной и духовной, интеракциональную часть культуры являются следующие соображения.

Прежде всего, важно осознавать, что культура как определенная среда создается в процессе разнообразных видов деятельности при взаимодействии людей, т.е. является в принципе *итогом интеракции*, какой бы ни была последняя по своему типу или характеру. Организация и структура взаимодействия между

людьми, их коммуникативные роли и интенции в разнообразных условиях могут быть при этом разными, однако результаты интеракций одного и того же типа, как правило, бывают одинаковыми. Тем самым создаваемая людьми культурная среда всегда зависит от способов их взаимодействия.

Определенные способы взаимодействия обуславливают многие характеристики и свойства культуры. Принадлежность человека к культуре определяется не только знаниями, которые он разделяет с другими представителями этой культуры и которые значимы для существования в этой культуре, но и принятыми в его сообществе алгоритмами осуществления деятельности в разнообразных условиях для достижения разнообразных целей. Общность этих знаний и алгоритмов действий (интеракциональных знаний) у членов культурного сообщества обеспечивает гармонию их взаимодействия. Предлагаемая нами интерпретация культуры позволяет описать межкультурное взаимодействие с использованием научного инструментария, адекватного сущности изучаемого явления и тем самым учесть при анализе параметры, ранее либо не попадавшие в поле зрения исследователей, либо не осознававшиеся ими как значимые именно для изучения взаимодействия носителей разных культур. Прежде всего это относится к рассмотрению интеракций одного и того же типа в бытовой среде и в высокой культуре, а также к анализу однотипных явлений в разных субкультурах, принадлежащих как одной, так и разным культурам.

В современных условиях и мир людей, и мир вещей, и мир животных и растений существуют в двух средах – естественной (=природе) и искусственной (=культуре). Сам человек, будучи обладателем естественно-природного и социального начал, совмещает в себе и индивидуальные черты, и одновременно характеристики ряда социальных групп, членом которых он является. Люди – носители культуры, они творят ее, трансформируют, передают от поколения к поколению, отбирая из всего того культурного наследия, которым они располагают на определенный момент времени, то, что делает их культуру уникальной на фоне всех других. Рассмотрение деятельности человека под таким углом зрения приводит к тому, что каждый носитель культуры может быть охарактеризован как *культурный тип*, поскольку культура формирует человека таким, каким он становится, и предоставляет ему образцы для взаимодействия и осмысления реальности, опираясь на которые он организует свою жизнедеятельность в каждый конкретный момент, оценивает наблюдаемые им явления, судит об этической приемлемости/неприемлемости результатов человеческой деятельности и т.д.

Принимая во внимание необходимость рассмотрения различных аспектов культурно детерминиро-

ванной деятельности человека для изучения особенностей межкультурных контактов, мы считаем, что *первый* комплекс вопросов, значимый для ТМКК, связан с типологией и классификацией культур, с пониманием сущности культуры как феномена, со структурой культуры, с маркерами, по которым одну культуру можно отличить от другой, с объяснением и описанием внутренней неоднородности культуры, с выявлением диалектических связей универсального и специфического, общего и частного, единичного и повторяющегося как в культуре в целом, так и в отдельных ее крупных фрагментах (=субкультурах), а также в более мелких проявлениях.

Тем самым очевидными становятся различия между нашей версией ТМКК и другими ее трактовками, в которых исследователи разрывают культуру и ее носителя и творца, как правило, даже не осознавая этого, и как следствие только постулируют значимость учета культурной специфики, не предлагая при этом объяснения истоков и природы формирования человека именно как культурного типа, не раскрывая оснований для явного сходства/тождества действий, реакций, установок разных людей, происходящих из одного и того же культурного пространства и наблюдаемых в разнообразных условиях. Наша трактовка человека как культурного типа позволяет ответить на поставленные вопросы.

2.2. Картина мира как ментальная репрезентация культуры

Люди как создатели культурной среды отличаются от всех прочих представителей естественной среды – природы – тем, что они имеют «вторую реальность», отраженную в их сознании – совокупный образ мира, в котором причудливо сочетаются индивидуальное и коллективное начала. Поэтому *второй* блок вопросов, актуальных для изучения ТМКК, составляет проблематика, объединяемая ключевой категорией «картина мира». Эта категория позволяет исследователю осознать, каким образом гетеросубстратные, гетерогенные, гетерохронные сведения о мире структурируются в нечто целое и единое, которое, с одной стороны, обеспечивает взаимопонимание между представителями разных социальных групп и индивидов не только в один и тот же временной отрезок, но и в разные эпохи и, с другой стороны, хранит «самость», уникальность каждого из членов соответствующей культурно специфической группы и всей группы в целом.

Понимание того, что все сведения, какой бы природы они ни были и в какое бы время они не были когнитивно обработаны носителями соответствующей культуры, образуют единую сложную иерархическую структуру, позволяет трактовать картину мира как *ментальную репрезентацию* культуры.

Владение картиной мира, прежде всего разделяемыми всеми членами культурного сообщества знаниями, создает основу для установления взаимопонимания между членами этого сообщества, а также маркирует семиотические границы между разными культурными пространствами.

Наиболее важные в этом отношении проблемы, большинство из которых до сих пор еще ждет своего решения, – это исчисление параметров картины мира как феномена, анализ того, каким образом универсально значимые для познания мира и для его освоения человеком как культурным типом параметры структурированы в картину мира конкретной культуры. В связи с этим важнейшее значение имеет изучение способов овнешнения сведений о мире, исследование соотношения эксплицируемого и неэксплицируемого в коммуникации знания, создание типологии культурных кодов, а также описание маркеров, по которым обнаруживаются параметры картины мира. Существенное место в этом контексте необходимо отводить и механизмам вербализации сведений о мире, что позволяет всесторонне описать функциональный потенциал языка как культурного кода, с одной стороны, и исчислить вероятные способы вербализации одного и того же комплекса сведений о мире в зависимости от характера коммуникативной задачи и ситуации общения – с другой. Исчисление параметров картины мира, присущих ей феноменологически, обеспечивает корректное и надежное описание соотношения универсальных и идиокультурных закономерностей и тем самым – последовательное сопоставление культур разных типов и обоснование типологии культур по новым – феноменологическим, а не гносеологическим – параметрам. С нашей точки зрения, такое сознательное и последовательное разделение параметров на феноменологические и гносеологические применительно к картине мира является ключевым при решении многих проблем не только в ТМКК, но и в других науках, в частности в когнитивной лингвистике.

Наиболее дискуссионным в данном контексте вопросом является определение основной единицы хранения культурно-специфического знания – и с этой точки зрения требует решения вопрос о том, правомерно ли считать такой единицей слово, как это заявляют отечественные исследователи межкультурной коммуникации в своих трудах, или же целесообразно нацелить ТМКК на поиски другой единицы, которая была бы более адекватна сущности изучаемого феномена. Слово не может быть такой единицей, поскольку, во-первых, сведения о культуре кодируются не только лексическими средствами и, во-вторых, общаются люди, если они обращаются к вербальному коду, не с помощью слов, а *коммуникативными* единицами. Сводить же культурную специфику к лекси-

ческой семантике означает, по сути, в конечном счете объяснять особенности взаимодействия людей лексико-семантическими закономерностями единиц словаря.

Наша интерпретация проблематики отличается и в этом аспекте осмысления проблемного поля ТМКК от других ее версий тем, что мы стремимся последовательно и осознанно объективировать принципиальное различие между теоретическими интерпретациями одного и того же феномена, которых может быть значительное количество, с одной стороны, и характеристиками, свойственными самому феномену и ни в коей мере не зависящими от теоретической трактовки, т.е. от субъективного видения исследователем описываемых параметров, – с другой. Поэтому на единой основе мы изучаем различные способы объективации сведений, хранящихся в разнообразных когнитивных структурах, образующих картину мира. При этом мы стремимся исследовательским путем установить, какие сведения и с какой степенью регулярности объективируются в коммуникации средствами какого культурного кода. Нас интересует также, какие языковые средства являются предпочтительными для решения конкретной когнитивной и коммуникативной задачи, какие механизмы вербализации при этом наиболее активны.

2.3. Идентичность носителей культуры

Основанием и гарантом того, что каждый член любого социума является одновременно и уникальным индивидом, и представителем своей социальной группы независимо от ее величины и места этой группы в культуре, служит идентичность как результат социопсихического эмоционально-рационального когнитивного процесса рефлексии личности над своим местом в социокультурном континууме. В связи с этим третьим блоком проблем, относящимся к ТМКК, следует считать весь комплекс вопросов, связанных с идентичностью личности. Отсюда вытекает необходимость изучения оппозиции «свой ⇔ чужой» как антропологической константы и оппозиции «свой ⇔ другой» как когнитивной основы для формирования гармоничных и продуктивных взаимоотношений между представителями различных культур, а также возможность изучения и описания человека не только как носителя личностной идентичности, но и как носителя культурной идентичности. Это в свою очередь обуславливает потребность в рассмотрении способов кодирования соответствующих сведений, типологию культурных кодов, классификацию типов идентичности личности, а также маркеров культурной идентичности единичного и коллективного субъекта. Теоретически значимым является также выявление корреляции между оппозициями разного уровня иерархии, задающими

горизонт восприятия социокультурной информации в каждом акте познания и коммуникации, т.е. оппозиций «свой ↔ другой», «свой ↔ чужой», «я ↔ ты», «я ↔ они», «я ↔ мы», «вы ↔ они» и др., из которых первые две находятся на самом высоком уровне иерархии в когнитивной деятельности человека в разнообразных актах социальной перцепции.

В контексте ТМКК осмысление проблем соотношения личностной и коллективной идентичности значимо для выявления повторяющегося и единичного, закономерного и случайного в действиях как единичного, так и коллективного субъекта. Это также важно для исчисления стратегий взаимодействия при решении конкретных коммуникативных и когнитивных задач, которыми потенциально располагает коллективный субъект и из которых выбирает единичный субъект, добиваясь поставленных целей. А выбирает человек те стратегии, которые обеспечивают этому субъекту (успешное) решение коммуникативных задач в конкретных условиях.

Всё это позволяет трактовать идентичность как структуру, в которой вычлениваются *ядерная* и *периферийная* части. К первой относятся разнородные (физические, психические, социокультурные, культурно-антропологические, профессионально значимые, конфессиональные и др.) характеристики, устойчивые к изменениям и стабильные в своих проявлениях на протяжении значительных промежутков времени. Во вторую часть можно включить характеристики, изменчивые в краткосрочной перспективе и динамичные по своей природе. Признаки первой группы позволяют субъектам познания и коммуникации эффективно взаимодействовать друг с другом в повторяющихся условиях, а второй – адаптироваться к постоянно меняющейся обстановке общения.

Такая трактовка идентичности объясняет, каким образом в культуре осваиваются культурные новации, а также то, почему некоторые культурные новации не приживаются в конкретных культурных условиях. Рассмотрение идентичности с таких позиций может служить фундаментом для осмысления процессов трансформирования личностной и коллективной идентичности, для изучения процессов первичной и вторичной социализации. Это понимание идентичности делает очевидным тот факт, что человек не может приобрести в процессе аккультурации новую идентичность или же так называемую «скользящую»/«креолизованную» идентичность, как это заявляют некоторые исследователи МКК. Человек, вступающий в межкультурное взаимодействие, как и всякий человек, участвующий во внутрикультурной коммуникации, обладает одной идентичностью, так как в процессе познания новые сведения об осваиваемой человеком инокультурной реальности вписываются

в уже имеющиеся в его распоряжении когнитивные структуры по принципу «вариант ↔ инвариант». Такая трактовка идентичности личности позволяет объяснить, например, парадоксальное на первый взгляд явление, связанное с тем, как люди с разной личностной идентичностью находят общие решения при достижении определенной цели как в условиях внутрикультурной коммуникации, так и при межкультурном взаимодействии.

Вопросы, связанные с проблемой культурной идентичности, бесспорно, относятся к наиболее дискуссионным в ТМКК, как, впрочем, и в других гуманитарных науках. В обсуждаемом контексте наряду с ними важны и вопросы о маркерах идентичности, о когнитивных рамках восприятия, сквозь которые в актах межкультурного общения селекционируются и профилируются все поступающие в головной мозг человека для когнитивной обработки сведения о мире, о других когнитивных фильтрах, влияние которых существенным образом предопределяет выбор стратегий взаимодействия при решении конкретных коммуникативных задач.

Высказанные соображения акцентируют отличия нашей версии теории межкультурной коммуникации от других концепций, в которых указанные проблемы исключены из рассмотрения.

2.4. Стереотипы сознания как основа деятельности в культуре

Все виды сведений, помогающих людям взаимодействовать друг с другом в различных условиях, организуются в иерархические комплексы, формируя определенные когнитивные структуры, которые лежат в основе перцептивных процессов и служат базой для операций категоризации и классификации объектов, фактов и явлений внешней действительности. Это позволяет человеку упорядочить процесс восприятия и осмысления окружающего мира, создавая когнитивное основание для оценки различных действий, значимых в данной культурной системе и актуальных для нее. По этой причине **ч е т в е р т ы й** блок проблем ТМКК складывается из вопросов, связанных со стереотипами сознания, их генезисом, этиологией, типологией, функциональным потенциалом, влиянием на действия участников общения, особенно в условиях межкультурного взаимодействия, а также с маркерами стереотипов и способами элиминирования их негативного потенциала.

Стереотипы сознания относятся, вне всякого сомнения, к ядерной части идентичности, и поэтому их не представляется возможным устранить из коммуникации: место одного неизбежно занимает другой, поскольку стереотипы обобщают культурный опыт не только единичного, но и коллективного субъекта, облегчая категоризацию и концептуализацию сведе-

ний о мире и в значительной мере экономя когнитивные усилия.

Хотелось бы еще раз акцентировать положение, кардинально отличающее нашу версию ТМКК от других: мы убеждены, что на современном этапе развития ТМКК в научных изданиях и дискуссиях ни в коем случае непозволительно утверждать, что «влияние стереотипов исключительно негативно», что «от стереотипов требуется избавляться», что их «необходимо разрушать» или что «личность, подверженная стереотипам, не может быть успешной в межкультурном общении» и т.п. Напротив, продуктивным и адекватным подходом к осмыслению роли стереотипов сознания в межкультурном общении является выработка стратегий, позволяющих субъекту коммуникации менять перспективу восприятия, варьировать когнитивные рамки восприятия и тем самым выбирать стратегии, нацеленные на эффективное взаимодействие с представителями разных культур. Приведенная интерпретация позволяет самым непротиворечивым образом объяснять многочисленные парадоксы общения, описываемые в специальной и художественной литературе, а также те, о которых сообщают участники межкультурного взаимодействия, осмысливая свой опыт освоения инокультурного пространства. Такая постановка проблемы позволяет по-новому интерпретировать весьма популярные в профессиональных и околопрофессиональных кругах темы, так или иначе касающиеся толерантности личности и общества, соотношения большинства и меньшинства в обществе, а также проблем миграции.

2.5. Язык как культурный код

Человек является не только творцом искусственной среды – культуры, но и обладателем уникального дара – языка, этой универсальной семиотической системы, благодаря которой человек способен максимально экономным и эффективным способом сообщить другим людям о результатах своего познания мира, о своем эмоциональном состоянии, о своих планах и надеждах, о своих оценках прошедшего, которое уже нельзя изменить, о виртуальных мирах, которые он никогда лично не видел, но о которых он имеет ясное или весьма смутное представление, а также о многом другом. Поэтому **п я т ы й** блок проблем, изучаемых ТМКК, является комплекс разнообразных вопросов, связанных с использованием языка как вербального кода, с помощью которого фиксируются знания о мире и который обеспечивает коммуникантам надежный и эффективный канал передачи разнородной информации от одного члена социума другому, несмотря на многочисленные реальные и мнимые помехи и препятствия.

Знания о принципах и способах использования языка в социально значимом взаимодействии составляют неотъемлемую часть фонда знаний носителя культуры и относятся к ядерной части его идентичности, так как все релевантные для коммуникации сведения о мире имеют очевидную языковую привязку.

Поскольку использование языка как средства общения невозможно без наличия некоторых общих принципов, обеспечивающих взаимопонимание коммуникантов, а также поскольку вербальные средства коммуникации играют в межкультурном общении особую роль, этот блок проблем целесообразно рассматривать сквозь призму такой категории, как языковая личность. Последняя трактуется в нашей версии ТМКК как личность в ее способности совершать речевые действия. Эта способность представляется как некоторый, составляющий часть идентичности личности, культурно-специфический когнитивно-дискурсивный (когнитивно-коммуникативный) инвариант, который на практике реализуется через множество вариантов. Другими словами, каждый конкретный носитель русского/немецкого/французского/испанского/и т.д. языка, используя вполне определенные языковые средства для решения конкретной когнитивной и коммуникативной задачи, реализует один из потенциально возможных вариантов инварианта «русская/немецкая/французская/испанская/... языковая личность». Знание принципов варьирования, т.е. адаптации общих для всех сведений относительно использования языка как культурного кода к актуальным условиям интеракции, позволяет каждому конкретному носителю языка, с одной стороны, оставаться неповторимым в этом виде деятельности и, с другой стороны, адекватно осмысливать информацию, посланную ему другим уникальным субъектом коммуникации. В контексте ТМКК важно акцентировать, что не сам язык с присущей ему структурой является частью идентичности, а *особенности его использования* в качестве средства коммуникации и средства решения разнообразных когнитивных задач.

Наша трактовка языковой личности отличается от многочисленных версий данного феномена, активно цитируемых в специальных дискуссиях, тем, что мы при описании особенностей использования языка как коммуникативного средства сознательно учитываем диалектику общего и единичного. Иначе говоря, мы имеем в виду прежде всего не конкретного человека с его индивидуальными речевыми характеристиками, а коммуниканта – типичного представителя определенной языковой культуры, обладающего знанием и способностью к использованию в разных дискурсивных условиях всех потенциально возможных в этой культуре языковых средств (лексических,

морфологических, синтаксических, словообразовательных, просодических и т.д.), предназначенных для решения любой когнитивной и коммуникативной задачи. Инвариантной же будет совокупность возможностей выбора конкретным коммуникантом из имеющихся в языковой культуре средств (лексических, морфологических, синтаксических, словообразовательных, строевых и пр.), специализирующихся на определенной когнитивной и/или коммуникативной задаче либо потенциально возможных в данных дискурсивных условиях. Это позволяет теоретически непротиворечиво описывать культурно специфические когнитивные, номинативные и дискурсивные стратегии, реализуемые человеком в любом акте коммуникации.

В связи с тем, что деятельность – одна из главных ипостасей человека, она вне деятельности человека как существа социального не существует в принципе. Поэтому минимальной единицей любого вида деятельности является *действие*, а минимальной единицей речемыслительной деятельности – *речевое действие*. Соответственно, при изучении и описании процесса межкультурного общения минимальной единицей воспринимаемой действительности следует считать не просто высказывание или речевой акт, а *дискурсивное событие* – совокупность прагматически когерентных речевых действий, направленных на достижение общей коммуникативной цели; все составляющие его речевые акты оказываются связанными этой единой целью и общими условиями реализации. Коммуникативная ситуация является при этом частью дискурсивного события. Преследуя частные коммуникативные цели, каждый акт речевого (дискурсивного) события выступает как стратегическое средство, используемое для решения общей коммуникативной задачи определенного дискурсивного события. Только с учетом этого речевые действия приобретают смысл в дискурсе как при его порождении, так и при интерпретации. Подчеркнем, что определение дискурсивного события в качестве конститутивной единицы межкультурного общения и в качестве минимальной единицы описания этого вида межличностной коммуникации является решением, адекватным сущности изучаемого феномена, продуктивным и перспективным в теоретическом и прикладном отношении. В то же время это теоретическое решение составляет кардинальное отличие нашего понимания теории о межкультурном взаимодействии разных людей от иных, в которых минимальной единицей, сквозь призму которой исследователи пытаются выявить культурную специфику, становится либо слово, либо лингвокультурный концепт, либо культурный смысл, либо культурная сема, либо нечто иное, имеющее весьма опосредованное отношение к сути изучаемого вида межличностного взаимодействия.

Важно отметить, что изучать использование языка в межкультурной коммуникации целесообразно в контексте всех культурных кодов (как вербального, так и многочисленных невербальных), потенциально задействованных участниками при решении конкретных коммуникативных и когнитивных задач. При этом, оценивая вклад вербального кода в коммуникацию, необходимо иметь в виду, что количественное доминирование в интеракции невербальных средств коммуникации (одорический, акустический, гаптический, густический, оптический, проксемический, хрономический, жестовый, мимический и другие культурные коды) не означает автоматически, что якобы невербально закодированная информация в коммуникации более значима, чем сведения, закодированные вербально. Это важно сознательно учитывать, по крайней мере, по трем причинам. Во-первых, всякая коммуникативно значимая информация всегда передается вербально. Во-вторых, любой культурный код организован специфически, поэтому один и тот же невербальный сигнал передает в разных культурах строго определенный комплекс сведений о мире, не всегда совпадающих по объему и содержанию в иной культурно-специфической системе. В-третьих, невербальные средства коммуникации, как правило, *модифицируют* содержание, передаваемое в коммуникации вербально. Кроме того, в межкультурном общении используемый коммуникантами вербальный код может быть либо «своим» для одного из участников, либо «чужим» для них обоих. Поэтому и при анализе использования языка следует учитывать данное

обстоятельство, равно как и то, что среда межкультурного взаимодействия также может быть для коммуникантов либо «своей», либо «чужой», либо «другой». Это принципиально сказывается как на осмыслении комплекса воспринимаемых сведений, так и на выборе коммуникантами стратегий взаимодействия и средств коммуникации.

Изложенные положения позволяют читателю убедиться, в чем наша версия ТМКК отличается от других ее толкований по вопросу «вербальный код в межкультурной коммуникации».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришаева Л. И. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – Изд. 1-е / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. – Воронеж : ВГУ, 2003. – 369 с.
2. Гришаева Л. И. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – Изд. 2-е / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. – Воронеж : ВГУ, 2004. – 424 с.
3. Гришаева Л. И. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – Изд. 3-е / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. – М. : Academia, 2006. – 336 с.
4. Гришаева Л. И. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – Изд. 4-е / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. – М. : Academia, 2007. – 336 с.
5. Гришаева Л. И. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – Изд. 5-е / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. – М. : Academia, 2008. – 352 с.
6. Стратегии успеха и факторы риска в межкультурной коммуникации / под общ. ред. Л. И. Гришаевой, Л. В. Цуриковой. – Воронеж : ВГУ, 2005. – 391 с.

Воронежский государственный университет

Гришаева Л. И., доктор филологических наук,
профессор кафедры немецкой филологии

E-mail: grischaewa@rgph.vsu.ru

Тел.: (473) 220-84-58

Цурикова Л. В., доктор филологических наук,
заведующая кафедрой английской филологии

E-mail: tsurikova.vsu.ru

Тел.: 8 (473) 220-84-89

Voronezh State University

Grishaeva L. I., Doctor of Philology, Professor of the
German Philology Department

E-mail: grischaewa@rgph.vsu.ru

Tel.: (473) 220-84-58

Tsurikova L. V., Doctor of Philology, Head of the
English Philology Department

E-mail: tsurikova.vsu.ru

Tel.: 8 (473) 220-84-89